

Часть первая

Милые чудеса

1

Милиционеры очень любят детей. Это каждый знает. Любят они не только своих детей, а всех подряд, без разбору. Не верите — посмотрите детские фильмы. В фильмах милиционеры всегда улыбаются детям. И всё время отдают честь. Как только постовой увидит мальчика, так сразу же бросает свои дела и мчится, чтобы отдать ему честь. А если девочку увидит — тоже мчится. Наверное, ему всё равно — мальчик или девочка. Главное — успеть отдать честь.

Если же кому-нибудь попадается милиционер, который не улыбается и не отдаёт честь, то это ненастоящий милиционер.

А всё-таки хорошо, что ненастоящие милиционеры иногда встречаются.

В Ленинграде вот есть один такой. И если бы его не было, то ничего не случилось бы с Толиком Рыжковым...

А случилось вот что.

Шёл Толик по проспекту.

Рядом с ним, по мостовой, медленно ехала сине-красная «Волга». Из динамиков, установленных на крыше «Волги», на всю улицу гремел оглушительный и радостный голос диктора:

«Граждане, соблюдайте правила уличного движения! Несоблюдение этих правил часто приводит к несчастным

случаям. Недавно на Московском проспекте гражданин Рысаков пытался перебежать дорогу впереди идущей автомашины. Водитель не успел затормозить, и гражданин Рысаков был сбит автомашиной. С переломом ноги он был доставлен в больницу. Граждане, помните: несоблюдение правил уличного движения ведёт к несчастным случаям...»

Толик шёл рядом с «Волгой» и сквозь боковое стекло видел лейтенанта милиции с микрофоном в руках. Лейтенант был молодой и какой-то очень чистенький. Было странно, что у него такой оглушительный голос, хотя бы и по радио.

Толик внимательно, насколько было видно вперёд, оглядел мостовую, стараясь угадать, в каком месте произошло всё это с гражданином Рысаковым. Но угадать было невозможно. В обе стороны, одна за другой, катились машины. Здоровенный самосвал, шлёпая шинами по асфальту, быстро отставал от вертлявого «москвича», а их обоих, пренебрежительно пофыркивая, обгоняла тяжёлая чёрная «чайка». И все они проезжали, может быть, над тем местом, где «недавно» лежал неосторожный Рысаков...

«А что, — подумал Толик, — если бы это случилось не „недавно“, а сейчас! Только чтобы машина объехала Рысакова... И — чтобы врезалась в трамвай... Но только чтобы водитель остался цел... А трамвай — сошёл с рельс... Но — чтобы пассажиры все остались целы. А движение по всей улице — остановилось... И тогда нельзя было бы перейти улицу... И я не пошёл бы в школу...»

Толик остановился и стал разглядывать пешеходов, которые перебежали улицу, ловко увильвая от автомобилей.

Сине-красная «Волга» ушла далеко вперёд. Толик опасно покосился на неё и тоже побежал. Он юркнул между двумя автобусами, пропустил трамвай, «скорую помощь» и влетел на тротуар перед самой булочной. Толик направился было к двери и вдруг прямо перед собой увидел ми-

лиционера. Тот стоял и смотрел на Толика. Он не отдавал честь и не улыбался.

— Ну, иди сюда, — сказал милиционер.

— Зачем? — пробормотал Толик.

— Иди, иди.

Цепляясь носками за асфальт, Толик подошёл ближе.

— Вам в школе объясняли, как нужно переходить улицу? — спросил милиционер.

Голос у него был не сердитый и не насмешливый, а какой-то скучный.

— Нам не объясняли, — на всякий случай сказал Толик.

— А ты сам не знаешь, где можно переходить улицу?

— Мне в булочную надо, — тихо сказал Толик.

Милиционер молчал.

— Я очень торопился...

Милиционер молчал.

— У меня мама больная, — уже увереннее сказал Толик. — А в школу я вообще не хожу никогда. Я за мамой ухаживаю. Мне просто некогда ходить в школу.

— Чем же она болеет? — спросил милиционер.

— У неё раны... — сказал Толик и вздохнул. — От снарядов... и от бомб... и от пуль... Она на фронте воевала. Раньше она мало болела, а теперь — каждый день. И папа — тоже в больнице. Он в милиции работает. Его преступники ранили.

— Как фамилия-то? — спросил милиционер уже не скучным голосом.

— Павлов.

— Вроде слышал про такого, — сказал милиционер после раздумья. — Значит, и в школу тебе ходить некогда?

— Совсем некогда, — вздохнул Толик.

— Ну, беги в свою булочную.

Понуриясь, Толик медленно направился к дверям. Вид у него был очень печальный.

В булочной Толик так же медленно ходил между прилавками, шаркал ногами, горбился и думал, что, наверное, многие замечают, какой у него несчастный вид, и догадываются о том, что у него больная мама и отец ранен преступниками.

Опустив батон в сумку и чуть не волоча его по полу, Толик вышел из булочной. Милиционер стоял на прежнем месте. Он всё-таки не отдал честь и не улыбнулся, но слегка кивнул. Мотнул головой и Толик. Теперь он ничуть не боялся милиционера.

Прежде чем перейти улицу, Толик посмотрел налево. Он ступил на мостовую и посмотрел направо. И в этот момент увидел Мишку Павлова. Мишка бежал прямо к нему и орал на всю улицу:

— Толик! Анна Гавриловна сказала, чтобы нам с тобой сегодня в школу прийти на час раньше!

Толик отвернулся, как будто Мишка кричал кому-нибудь другому. Но Мишка налетел на него и опять заорал в самое ухо:

— Я сам её видел! Она сама сказала!

Толик посмотрел на милиционера. Тот уже не стоял на месте, а медленно шёл прямо к ним.

Тихонечко, боком Толик двинулся по тротуару. Милиционер пошёл быстрее. И тогда Толик бросился бежать со всех ног.

Мишка, разинув рот, постоял, посмотрел, как убегают от него милиционер и Толик, и тоже побежал за ними.

Толик ничего не видел. Если бы ему в эту минуту подвернулась машина, он, наверное, сбил бы машину. Если бы на пути оказалась река, он, конечно, перепрыгнул бы через реку. Он старался изо всех сил, потому что на свете нет ничего хуже, чем убежать от милиционера.

Мишка давно уже отстал, а Толик ещё и не разогнался как следует. Милиционер, наверное, тоже ещё не разогнался. Он бежал далеко, но догонял понемножку.

На улице останавливались прохожие. Их удивлённые лица мелькали мимо Толика быстро, как фонари в метро.

Стук сапог сзади становился всё ближе. Толик метнулся к дому и вбежал в парадную. Тут была ещё одна дверь — во двор. Он открыл её, и в этот момент сзади зацокали по ступеням сапоги милиционера. Толик захлопнул дверь и услышал, как она тут же открылась за спиной. Он уже совсем было хотел остановиться, как увидел слева несколько низеньких домиков — гаражей. Между двумя домиками была узкая щель. Толик бросился в эту щель и почувствовал, как что-то схватило его и потащило назад. Но тут же он выскочил из щели, и почему-то бежать стало легче.

Мальчишки, столпившиеся по другую сторону гаражей, так ничего и не поняли. Они видели, как промелькнуло что-то и вслед за ним промелькнуло ещё что-то, а теперь во дворе стоял милиционер и, разглядывая, вертел в руках сумку с батонем. Он постоял немного и пошёл к воротам. Мальчишки посмотрели ему вслед и снова принялись рисовать на дверях гаражей звёзды и писать мелом, что «Тоська + Вовка = любовь».

А Толик долго ещё не мог остановиться. За его спиной уже никто не топал, но он на всякий случай пробежал ещё четыре двора, пролез сквозь какую-то трубу, спрыгнул с какой-то крыши и оказался в маленьком дворике.

Лишь теперь он понял, что за ним уже никто не гонится. Толик осматривался, ища дверь или ворота, через которые можно было бы выйти, но видел только гладкие стены. Это был очень странный двор. Высокие стены — без окон и балконов — уходили вверх, под самое небо. Двор был круглый, как колодец, и посреди него стояло что-то большое и круглое, как консервная банка.

Толик завертел головой, стараясь найти сарайчик; с которого он спрыгнул, но никакого сарайчика не было.

В здании, похожем на консервную банку, оказалась дверь. Толик отворил её и очутился в просторном помещении.

Это было очень странное помещение. Откуда-то сверху, с невидимого потолка, один за другим медленно опускались голубые шары. У самого пола они вспыхивали голубым светом и гасли, как будто проваливались. Один за другим плыли они сверху вниз и лопались, освещая всё вокруг мерцающим светом.

2

Потом он увидел мальчика.

Мальчик сидел за длинным столом. На одном конце стола высилась гора спичечных коробков. Мальчик взял один коробок, внимательно осмотрел его и переложил на другой конец стола.

— Триста тысяч один, — сказал он.

Толик подошёл поближе.

Мальчик, не глядя на Толика, взял ещё один коробок.

— Триста тысяч два.

— Эй, ты чего тут делаешь? — спросил Толик.

— Триста тысяч три, — сказал мальчик.

— Как отсюда выйти? — спросил Толик. — Где тут ворота?

— Триста тысяч четыре, — сказал мальчик.

Толику стало не по себе. Он даже подумал, что это не живой мальчик, а какой-нибудь электрический, вроде робота. Такой был в кинокартине «Планета бурь». Там робот, похожий на человека, ходил на двух ногах и даже разговаривал дребезжащим, как будто железным голосом.

Толик протянул руку к плечу мальчика и тут же отдернул её, словно испугался, что его ударит электрическим током.

— Триста тысяч пять, — сказал мальчик.

Толик начал сердиться. Он был не робот, а живой человек. И потому он умел сердиться. А этого, как известно, не умеет делать даже самый лучший и самый электрический робот.

— Триста тысяч шесть, — сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто сердится, а прямо-таки злится.

— Триста тысяч семь, — сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто злится, а прямо-таки лопается от злости.

— Триста тысяч восемь, — сказал мальчик.

«Ну ладно, — подумал Толик. — Сейчас ты у меня замолчишь». Толик вытянул руку и провёл ладонью по спине мальчика, стараясь найти кнопку, которой он выключается. Спина оказалась тёплой и совсем не железной.

— Триста тысяч девять, — сказал мальчик, поднял голову и посмотрел на Толика странными голубыми глазами.

— Ты что, оглох?! — крикнул Толик. — Ты, может быть, глухой, да?

— Я всё слышу, — ответил мальчик. — Триста тысяч десять...

— Сейчас ты у меня получишь! — рассвирепел Толик. — Я тебе покажу, как дразниться. Я тебе покажу триста тысяч! Получишь раза два, тогда узнаешь, где триста тысяч!

— Не мешай, — сказал мальчик. — Ты же видишь — я только что начал новую тысячу.

— Мне всё равно — новую тысячу или новый миллион! — сказал Толик. И вдруг остановился, увидев, как при слове «миллион» глаза мальчика засветились странным голубым светом.

Внезапно у Толика прошла вся злость. Он вдруг подумал, что всё это очень странно: и двор без ворот, и комната без окон, и какие-то тысячи, и этот мальчик, хоть и не электрический, но, наверное, ненормальный. И как только он подумал об этом, ему снова стало страшно.

— Миллион... — повторил мальчик. — Это важнее всего на свете. Но это так трудно... У меня очень мало времени. Но если ты знаешь про миллион, я могу поговорить с тобой две минуты. А потом ты уйдёшь. Ладно?

— Я могу и сейчас уйти; ты покажи, где ворота, — сказал Толик.

— Не знаю... — вздохнул мальчик. — Зачем нужны ворота? Мне они совсем не нужны. Мне нужно набрать миллион.

— Какой миллион?

— Миллион коробков. Ровно миллион. И тогда у меня будет больше всех в мире.

— Зачем тебе столько? — спросил Толик.

— Так у меня же будет больше всех в мире.

— Ну и что из этого?

— Вот и всё, — сказал мальчик. — Больше всех в мире!

Понимаешь?

— Понимаю, — послушно ответил Толик.

Он ничего не понимал. Он просто боялся молчать. Если он замолчит, то мальчик снова начнёт считать коробки.

— А сколько ты уже набрал? — спросил Толик.

— Триста тысяч десять.

— Здрóрово! — сказал Толик, стараясь показать, что ему не страшно. — Набрал — и хорошо. Теперь пойдём во двор, и ты мне покажи, где ворота. Знаешь, я от милиционера удирал... Ох и бежал здóрово! Но ты тоже молодец: сколько коробков набрал. Теперь можешь показать, где ворота?

— Зачем мне ворота... — грустно сказал мальчик. — Мне нужен миллион коробков. Тогда мне хватит их на всю жизнь.

— На какую жизнь? — спросил Толик и, взяв коробок, повертел его в руках. — Обыкновенный коробок. Зачем тебе на всю жизнь?

Но едва Толик прикоснулся к коробку, мальчик вскочил из-за стола, и глаза его снова вспыхнули странным голубым светом.

— Не трогай! — закричал он. — Это не твоё. Это всё мои коробки. Уходи отсюда! Две минуты кончились. Уходи! Оставь коробок!

Толик попятился от стола. Он хотел повернуться и бежать, но глаза на лице мальчика разгорались всё ярче, они становились всё голубее и прозрачнее, а Толик пятился и пятился, но не мог отвернуться, словно боялся, что его ударят в спину.

Толик отступал, и стол казался ему всё меньше и меньше. Около стола прыгала и бесновалась маленькая, будто игрушечная, фигурка мальчика. Она размахивала тоненькими ручками и грозила кулачками величиной с горошину. А на её лице, будто две звезды, мерцали два холодных голубых огонька.

— Оста-а-а-вь коробо-о-ок... — донёсся до Толика далёкий голос.

Этот голос словно подтолкнул его. Толик зажмурился и бросился бежать не разбирая дороги. Мимо него мелькали какие-то стены и дома. Потом стали мелькать улицы и города. Затем, уже внизу, поплыли реки и горы. Солнце торопливо бежало по пустому тёмному небу. Но вот и солнца не стало: всё вокруг слилось в одну серую полосу, беззвучно уносящуюся назад.

«Я, наверное, сплю, — подумал Толик. — Я видел тёмное небо... Значит, уже ночь и я сплю... Нужно проснуться. Нужно попробовать шевельнуть рукой, и тогда сразу проснёшься...»

Толик шевельнул рукой и открыл глаза.

На синем небе, как приклеенное, застыло солнце. Оно больше никуда не мчалось. И улица была та же самая. И булочная. Пристально глядя на Толика, подходил тот самый милиционер. А рядом стоял Мишка Павлов и орал:

— Я сам её видел! Она сама сказала!

«Я ещё не проснулся, — подумал Толик. — Наверное, плохо шевельнул рукой. Ведь бывает же так: думаешь, что

ты проснулся, а на самом деле ещё спишь и во сне видишь, будто проснулся».

Толик снова дёрнул рукой. Что-то зашуршало, застучало у него в кулаке. Толик разжал кулак и глянул вниз. На ладони лежал спичечный коробок. Он был настоящий.

И Мишка был настоящим, потому что он заорал ещё громче:

— Ты что, оглох? Неси свой батон домой и бежим в школу!

И милиционер был настоящим. Он взял Толика за руку и сказал:

— Если ты с такого возраста врать научился, что же из тебя дальше вырастет? Ну-ка, повтори, чем болеет твоя мама?

Толик молчал. А Мишка, хоть и не понял пока ещё ничего, во всё же решил заступиться за друга. Он насутился и сурово глянул на милиционера.

— У него мама и не больная совсем. Чего вы её больной обзываете? Она совсем здоровая.

— Вот и мне так кажется, — ответил милиционер и потянул Толика за рукав. — Пойдём со мной, мальчик.

3

Когда человек идёт по улице рядом с милиционером, то всем ясно, что его ведут в милицию. И когда его ведут, то понятно, что ничего хорошего он не сделал.

Толик шёл по улице рядом с милиционером, и ему казалось, что на него смотрят все прохожие. Конечно, они думали, что он разбил окно, подрался или украл чего-нибудь. И Толик боялся встретить кого-нибудь из знакомых.

А прохожие смотрели на Толика с любопытством и почему-то улыбались. Особенно не понравился Толику один

толстый дядька. Мало того, что он сам был толстый! Мало того, что он нёс под мышкой расстёгнутый толстый портфель, набитый толстыми апельсинами! Мало даже того, что улыбаться он начал чуть ли не за сто метров до Толика! Он ещё и сказал, проходя мимо:

— За что забрали, товарищ старшина? Отпустите. Его мама ждёт.

И засмеялся, очень довольный своей толстой шуткой.

Старшина буркнул что-то непонятное. А Толик подумал: «Вот хорошо, если бы забрали сейчас этого толстого дядьку в милицию. И отобрали бы апельсины. И сидел бы он за решёткой, и плакал, и просился, чтобы его отпустили. А дома сидели бы у окна и плакали его толстые дети, потому что им никогда в жизни уже никто не принесёт апельсинов».

Толстяк уже прошёл, а Толик, выворачивая шею, всё ещё смотрел ему вслед. Вдруг произойдёт чудо и толстяка всё-таки заберут. Толику очень хотелось этого. А когда очень хочешь, то ведь может случиться и чудо... Вот он сейчас пойдёт через дорогу и будет переходить её неправильно — немного правее или немного левее белых кнопок на асфальте или по красному свету. Тогда — свисток, и... толстые дети никогда не получат апельсинов.

А толстяк между тем подошёл к краю тротуара и... Чудо! Произошло чудо, о котором мечтал Толик! Толстяк переходил улицу между двумя рядами белых кнопок. И тут всё было правильно. Но он шёл по КРАСНОМУ свету! Вот оно, чудо, которое всегда может случиться, если его очень хочешь!

Но оказалось, что вышла только одна половина чуда. Вторая, главная половина, не получилась. Напрасно Толик ждал свистка. Толстяк спокойно перешёл улицу и протиснулся в двери продуктового магазина. И Толику стало до слёз обидно. А тот, кто должен был забрать толстяка, в этот самый момент легонько подтолкнул Толика в спину и сказал:

— Не задерживайся, мальчик, не задерживайся. Мне на пост нужно возвращаться.

Уже в третий раз попался навстречу Мишка Павлов. Каждый раз он забежал вперёд и проходил мимо, подмигивая левым глазом. Всем видом он старался показать, что он с Толиком заодно. Но помочь Мишка, конечно, ничем не мог. Даже тем, что, отойдя на безопасное расстояние, строил рожи спине милиционера. Возле милиции Мишка отстал, и Толику стало совсем тоскливо. Вдвоём было как-то веселее.

В отделении милиции за барьером сидел капитан и писал что-то в толстом журнале. Увидев Толика и старшину, он усмехнулся:

— Вы зачем, Софронов, ребёнка привели? Разве забыли, что у нас детская комната на ремонте?

— Так точно, забыл, товарищ капитан, — сказал старшина.

— А может, вы не забыли, а просто на посту стоять надоело? Решили прогуляться?

— На улице — погода, товарищ капитан, — сказал старшина. — Это не зима. Сейчас на улице одно удовольствие. А вот мальчик, товарищ капитан, очень странный. С одной стороны, говорит: мать у него на фронте погибла...

— Не погибла, — едва слышно возразил Толик. Но его никто не услышал.

— С другой стороны, — продолжал старшина, — отец, говорит, преступниками ранен. А сам, между прочим, неправду говорит. Это и товарищ его подтвердил. Как фамилия товарища-то? — повернулся старшина к Толику.

— Павлов... — совсем тихо проговорил Толик.

— Вот-вот, — сказал старшина, — а сам, между прочим, тоже Павловым назвался. И через дорогу ходит, где ему вздумается.

Услышав последние слова старшины, Толик вздрогнул и жалобно шмыгнул носом. Лишь сейчас он вспомнил, что назвал старшине не свою, а Мишкину фамилию. Какое за

это полагается наказание, он не знал, но уж, наверное, самое маленькое — тюрьма или в школе поставят двойку за поведение.

— Хорошо, товарищ Софронов, идите, — приказал капитан. — Только больше мне тут детский сад не устраивайте и пост по пустякам не бросайте. Не первый месяц служите. Пора привыкать. Ясно?

— Так точно, — сказал старшина и ушёл.

— Ну-ка, Павлов, — сказал капитан. — И объясни, пожалуйста, где тебя так врать научили.

— Почему... врать... — запинаясь, пробормотал Толик.

— Потому что никакой ты не Павлов. Верно?

— А как моя фамилия? — спросил Толик.

— Это ты сейчас мне и скажешь.

Капитан, усмехаясь, смотрел на Толика, и было понятно, что фамилию сказать всё-таки придётся.

— Рыжков.

— Ну вот, теперь ты говоришь правду. Это сразу видно, когда человек правду говорит, а когда врёт. Молодец. Твоя мама когда на работу уходит?

— К двум часам, — ответил Толик и победоносно посмотрел на капитана. Сейчас-то он уж точно говорил правду, и капитан ни на чём не мог его поймать. Кроме того, судя по выражению лица капитана, тот вовсе не собирался сажать Толика в тюрьму.

— К двум часам мама ходит на работу, — задумчиво повторил капитан и спросил: — Та самая, которую на фронте убили?

— Я не говорил, что убили! — возмутился Толик. — Это он всё выдумал. Я говорил, что её ранили и она дома лежит.

— Так она, значит, лёжа на работу ходит?

Толик ничего не ответил, лишь вздохнул. Чего тут говорить. Не была мама на фронте. А если ещё про папу спра-